

УДК 343.13

СПОСОБЫ СНИЖЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НАГРУЗКИ, АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ

Ways to Reduce the Proceeding Load, Alternative to Decriminalization

МУРАВЬЕВ Кирилл Владимирович – докторант Омской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Омск)

Muravyev Kirill V. – Doctoral Student of Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Omsk)

murki@list.ru

Аннотация. В статье анализируется инициатива Верховного Суда РФ, связанная с декриминализацией отдельных преступлений и увеличением суммы хищения чужого имущества, с которой наступает уголовная ответственность. Автор отмечает вероятный положительный эффект декриминализации, однако указывает на ее недостатки; обращает внимание на альтернативные способы снижения процессуальной нагрузки органов предварительного расследования и суда.

This article analyzes the initiative of the Supreme Court of the Russian Federation concerning the decriminalization of certain crimes and increasing the amount of the theft of another's property for criminal responsibility. The author notes the expected positive effect and disadvantages of decriminalization, draws the attention to alternative ways to reduce load of pre-trial investigation and court proceedings.

Ключевые слова: декриминализация, оптимизация, процессуальная нагрузка, административная преюдиция, уголовный проступок, целесообразность, уголовное преследование, частно-публичное обвинение.

Decriminalization, optimization, proceeding load, administrative prejudice, criminal misdemeanor, criminal proceedings, private-public prosecution.

DOI: 10.19073/2306-1340-2016-1-61-67

31 июля 2015 г. Пленум Верховного Суда РФ принял решение о внесении в Государственную Думу проектов двух федеральных законов [15]. В одном из них предложено исключить из Уголовного кодекса Российской Федерации ряд составов преступлений, таких как побои, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, использование заведомо подложного документа (за исключением заведомо подложного официального документа), а также увеличить сумму хищения чужого имущества, с которой наступает уголовная ответственность, с одной до пяти тысяч рублей.

Предложения о либерализации уголовного законодательства и сокращении уголовно-про-

цессуальной подсудности в последние годы неоднократно высказывались руководителями высшего судебного органа [5; 18, с. 39]. Вызревшая в судебском сообществе инициатива одобрена Президентом РФ: в Послании Федеральному Собранию он поддержал предложения Верховного Суда РФ о необходимости декриминализации ряда деяний, относящихся к преступлениям небольшой тяжести [17].

Планируемые изменения способны оказать позитивное влияние на социальную структуру общества за счет значительного сокращения числа лиц, имеющих судимость. В пояснительной записке к законопроекту отмечается, что в настоящее время практически каждое второе лицо осуждается за преступление небольшой тяжести. За совершение деяний, которые предполагается

декриминализовать, ежегодно осуждается около 130–140 тысяч лиц, а за незначительные кражи – более 60 тысяч лиц. Кроме того, в связи с деятельным раскаянием, примирением сторон и по другим реабилитирующим основаниям суды ежегодно прекращают уголовные дела в отношении более 200 тысяч лиц. Предполагается, что либерализация уголовного законодательства наряду с возложением на должностных лиц, ведущих производство по делу, обязанностей, связанных с более активным прекращением уголовных дел по примирению сторон, и введением нового основания освобождения от уголовной ответственности – в связи с применением иных мер уголовно-правового характера, должны создать условия для выведения из-под действия уголовного закона или из сферы уголовной ответственности в общей сложности более 300 тысяч человек.

Кроме того, указанные изменения способны оптимизировать процессуальную нагрузку судей и органов предварительного расследования. Перевод ряда уголовных составов в категорию административных правонарушений приведет к сокращению количества уголовных дел, уменьшит объем процессуальной работы органов предварительного расследования, а поскольку форма производства по административным правонарушениям является более простой, это может отчасти снизить и нагрузку судей. Последнему должно способствовать и более активное прекращение уголовных дел в связи с примирением сторон органами предварительного расследования, а также возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с применением иных мер уголовно-правового характера.

Идея использования декриминализации в качестве способа снижения процессуальной нагрузки не является новой. В юридической литературе неоднократно высказывались суждения о необходимости изъятия из УК РФ ряда составов в целях высвобождения ресурсов правоохранительных органов для более качественной работы по преступлениям, представляющим наибольшую общественную опасность.

Так, В. Т. Томин отмечает, что государство декларирует принцип неотвратимости ответственности лиц, совершивших преступление, но неспособно выполнять обязанности перед своими гражданами. Уголовное судопроизводство обеспечивает привлечение к ответственности едва ли за одно из каждых десяти нарушений существующих уголовно-правовых запретов. Поэтому для разрешения проблемы требуется резкая, не менее чем пятидесятипроцентная декриминализация уголовно наказуемых деяний, последовательное проведение в жизнь принципа экономии уголовной репрессии [19, с. 17–19, 45]. По мнению ряда авторов, отказ от всех уголовно-правовых запретов на поведение, не являющееся в действительности опасным для общества, декриминализация некоторых видов преступного поведения способны действительно уменьшить перегрузку криминально-правового комплекса и, как следствие, способны усилить удерживающее воздействие уголовного закона [14, с. 46]. Это было высказано еще в первые годы судебно-правовой реформы, но и в современных условиях эти суждения не потеряли актуальности.

Ежегодно в уголовный закон вносится значительное число изменений. Вводятся новые составы преступлений¹, пенализация расширяется посредством обновления существующих редакций диспозиций статей Особенной части УК РФ. Своеобразная особенность нынешнего этапа развития российской уголовно-правовой политики состоит в том, что смягчение уголовной репрессии, ограничение уголовно-правового воздействия происходит за счет установления в законе различных оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания [11, с. 53]. Однако либерализация средств уголовно-правового воздействия по отдельным преступлениям позволяет лишь сдерживать количество «тюремного населения» на приемлемом уровне, но не уменьшает нагрузку органов предварительного расследования и суда. С появлением новых составов преступлений она лишь возрастает. Следует учитывать и параллельное проведение реформы правоохранительных органов, сопровождающе-

¹ Менее чем за три года законодательство пополнилось 47 нормами, предусматривающими уголовную ответственность. Так, в 2013 г. закон был дополнен 19 нормами, предусматривающими основные составы преступлений и составы с отягчающими обстоятельствами (ч. 3 ст. 137, чч. 3 и 4 ст. 171.1, ст.ст. 185.6, 193.1, 200.1, 205.3, 205.4, 205.5, 217.2, 240.1, 243.1, 243.2, 243.3, 258.1, 322.2, 322.3, чч. 3 и 4 ст. 327.1), в 2014 г. – 23 нормами (ст.ст. 172.1, 191.1, 200.2, ч. 4 ст. 205.1, ч. 2 ст. 207, ч. 4 ст. 211, ч. 4 ст. 212, ст. 212.1, ч. 3 ст. 213, ст.ст. 222.1, 223.1, 235.1, 238.1, 280.1, ч. 1.1 ст. 282.1, чч. 1.1 и 3 ст. 282.2, ст. 282.3, ч. 2 ст. 314.1, ст.ст. 325.1, 327.2, 330.2, 354.1), за восемь месяцев 2015 г. – пятью нормами (ст.ст. 170.2, 234.1, 264.1, 284.1, ч. 1.1 ст. 293).

еся сокращением лиц, способных реагировать на выявленные противоправные посягательства.

Проведенным нами анкетированием установлено, что 91,3 % судей, 72,4 % сотрудников органов предварительного расследования (далее – сотрудников ОПП) и 76,5 % сотрудников (работников) высших учебных заведений юридического профиля (далее – работников вузов) считают необходимым снижение процессуальной нагрузки на органы предварительного расследования и суды².

Невозможность проведения должного производства по всем делам об уголовных преступлениях вынуждает должностных лиц правоохранительных органов отсекают часть поступающих заявлений. Критикуя сложившуюся практику принятия решений по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях, Б. Г. Розовский пишет: «Уголовный процесс в известной мере производная отрасль, “обслуживающая” уголовное право. Но сегодня уголовный процесс стал диктовать свои условия уголовному праву, ибо “служанка” выбилась из сил и реально в полной мере не в состоянии “обслужить” заказчика. Поэтому решение проблемы уголовного процесса надо начинать с переосмысления, кардинального совершенствования существующих постулатов уголовного права» [16, с. 163]. П. Скобликов указывает, что одним из основных мотивов вынесения незаконных и необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела является высокая нагрузка органов предварительного расследования и оперативных аппаратов [4, с. 32]. Н. А. Колоколов резонно отмечает, что авторы идеи реформирования стадии возбуждения уголовного дела подменяют основание в споре, ставя знак равенства между статистическими данными о преступлении и конкретными процессуальными решениями [10, с. 87]. А. А. Куприянов считает, что реализация предложений Верховного Суда РФ о декриминализации позволит получить правовое обоснование негласной практики правоохранительных органов препятствовать возбуждению уголовных дел небольшой тяжести [12, с. 8].

Полагаем, что предлагаемые в УК РФ изменения могут стать одним из способов сокращения процессуальной нагрузки и необходимым условием для последующей оптимизации уголовного судопроизводства.

Наряду с этим, должны обратить внимание и на возможные негативные последствия предложенного варианта декриминализации.

В законопроекте, одобренном Пленумом Верховного Суда РФ, предлагается установить в статьях 116.1 и 119.1 УК РФ уголовную ответственность за побои, а также угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичные действия. Грамотное использование административной преюдиции может стать эффективным средством противодействия преступности и обеспечить экономию мер уголовной репрессии [2, с. 9]. Для этого, конечно, требуется, чтобы была обеспечена неотвратимость административной ответственности за первоначальные деликты. Однако, учитывая большую «терпимость» граждан и надзирающих органов к административным правонарушениям, нежели к преступлениям, весьма вероятно, что после «декриминализации-административизации» посягательств значительная часть правонарушений (в первую очередь при неизвестности сведений о лицах, их совершивших) останутся латентными, укрытыми от учета, списанными в номенклатурные дела и т. п.

Предлагаемое дополнение КоАП РФ статьями, предусматривающими административную ответственность за ряд декриминализованных деяний; увеличение верхнего предела стоимости имущества, хищение которого признается административно наказуемым; установление срока давности привлечения к административной ответственности по указанным статьям до двух лет; возможность проведения административного расследования по ним и в том случае, когда данные о лице, совершившем административное правонарушение, не известны, а также другие изменения неминуемо добавят работы органам, осуществляющим производство по административным правонарушениям, а их перегруженность и в настоящее время не вызывает сомнения. В условиях, когда в органах внутренних дел значительно сокращена штатная численность сотрудников специализированных подразделений по применению административного законодательства, расследование указанных выше правонарушений будут осуществлять в основном участковые уполномоченные полиции.

² В октябре – ноябре 2015 г. нами было опрошено 69 судей, 87 сотрудников органов предварительного расследования, а также 86 сотрудников и работников высших учебных заведений юридического профиля.

Смогут ли они «переварить новый пласт заявок на обслуживание»? Полагаем, что обозначенный в законопроекте тезис о том, что после декриминализации деяний и установлении за них административной ответственности уровень защищенности личности не снизится, требуется поставить под сомнение.

Только 47,8 % судей, 43,1 % сотрудников ОПП и 35,3 % работников вузов высказались за целесообразность декриминализации отдельных составов преступлений небольшой тяжести (хищения, не превышающие 5 тыс. рублей, побои, злостное уклонение от уплаты алиментов, угроза убийством и т. п.), совершенных без отягчающих обстоятельств, с установлением за совершение этих деяний административной ответственности.

Учитывая возможные негативные последствия декриминализации, осторожную позицию респондентов по отношению к предложенным Верховным Судом РФ изменениям, считаем нужным обратить внимание на альтернативные способы снижения процессуальной нагрузки органов предварительного расследования и суда:

- перевод отдельных составов преступлений в категорию уголовного проступка;
- отказ от абсолютного принципа «законности возбуждения уголовного преследования»;
- расширение дел категории частно-публичного обвинения.

Идея перевода отдельных составов преступлений в категорию уголовного проступка выдвигалась в научных кругах уже несколько десятилетий назад [13]. Такое разграничение было известно дореволюционному российскому законодательству, оно реализовано в законодательстве западных государств (Англия, США, Германия) в качестве действенного инструмента борьбы с правонарушениями без ужесточения уголовной репрессии [7].

Введение института уголовного проступка предполагает закрепление особого упрощенного порядка расследования³, при котором основные усилия должны быть направлены на реализацию

примирительных процедур, с более широкими возможностями освобождения от уголовной ответственности, в том числе и без участия судебных органов. В этом видятся возможные эффекты процессуальной экономии (разгрузки органов предварительного расследования и суда) и уменьшения судимых лиц по преступлениям небольшой тяжести. Вместе с тем закрепление статуса «уголовного проступка», а не административного деликта⁴, приведет к более серьезному отношению граждан, органов предварительного расследования и надзирающих органов к данному деянию как к уголовно-наказуемому посягательству. Кроме того, применительно к случаям повторного совершения деликта не потребуются закрепления конструкции привлечения к уголовной ответственности с использованием административной преюдиции с присущими ей недостатками.

91,3 %, 58,6 % и 82,4 % соответствующих категорий опрошенных считают целесообразным перевод ряда преступлений небольшой тяжести в категорию уголовного проступка, требующего регистрации как уголовного посягательства, но предполагающего упрощенный порядок расследования.

Альтернативой декриминализации может стать отказ от абсолютного принципа «законности возбуждения уголовного преследования», т. е. возбуждения дела по каждому подлежащему наказанию преступлению независимо от соображений о возможных затруднениях или неудобствах, могущих стать результатом процессуального производства.

По мнению А. С. Александрова, «в правовом государстве... уголовное преследование требует известной гибкости и подвижности, и не может быть проведено безраздельно начало абсолютной обязанности государства преследовать и наказывать каждое преступление. Начало законности, как гарант обеспечения публичного интереса, не колеблется тем, что в каждом отдельном случае надо ответить на вопрос, в чем этот публичный интерес заключается: воздержаться

³ Может быть взят за основу существующий порядок «сокращенного дознания» – при устранении его недостатков. См.: Кальницкий В., Муравьев К., Воронов Д. Концепция дознания в сокращенной форме: достижения и вопросы совершенствования // Уголов. право. 2013. № 3. С. 81–85.

⁴ В КоАП РФ фактически получила оформление особая категория правонарушений с уровнем репрессий, не уступающим уголовным, требующая усложненной формы производства. При реализации предложений Верховного Суда РФ объем «административных преступлений» будет расширен. Соглашаясь с позицией Л. В. Головки, который выделяет «уголовное (репрессивное) право в широком смысле», считаем возможным закрепление «уголовного проступка» не только в УК РФ, но и на уровне отдельного законодательного акта или даже в КоАП РФ – если УК РФ не будет рассматриваться в качестве единственного источника уголовного права. См.: Головка Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции criminal matter (уголовной сферы) // Междунар. правосудие. 2013. № 1. С. 42–52.

от траты времени и энергии на преследование мелкого правонарушителя и сосредоточиться на наиболее опасных, сложных и замаскированных преступлениях или продолжить погоню за «раскрываемостью» [1, с. 82–83].

Л. В. Головкин обращает внимание на то, что в зарубежном праве принцип целесообразности уголовного преследования является значительно более распространенным, и даже прежние адепты принципа законности (например, Германия) аккуратно перестраивают свой процесс в русле целесообразности. В УПК РСФСР 1923 г. также действовала ст. 4-а, которая позволяла отказать в возбуждении уголовного преследования (а равно прекратить производство) в случаях, когда деяние привлекаемого к уголовной ответственности лица хотя и содержало в себе признаки преступления, предусмотренного УК, но не признавалось общественно опасным вследствие незначительности, маловажности и ничтожности последствий, а равно когда возбуждение уголовного преследования и дальнейшее производство дела представлялось явно нецелесообразным. Но в 1926 г. она была ликвидирована после введения в действие УК РСФСР, в примечании к ст. 6 которого получило закрепление положение, что не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки статьи Особенной части УК, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного.

Фактически процессуальное правило «целесообразности возбуждения уголовного преследования» трансформировалось в положение «законности» (ст. 9 УПК РСФСР 1923 г., ст. 3 УПК РСФСР 1960 г., ст. 21 УПК РФ), а вопрос целесообразности с тех пор является исключительной прерогативой материального права (в действующем механизме правового регулирования – ч. 2 ст. 14 УК РФ) [6, с. 32, 242–247].

Обращаем внимание, что при «смене прописки» формула целесообразности была существенно заужена. В уголовном законе не отражено (и, полагаем, не должно отражаться в силу его процессуального характера) правило о возможности прекращения процессуальной деятельности в случаях, *«когда возбуждение уголовного преследования и дальнейшее производство дела представляется явно нецелесообразным»*. После постановления на регистрационный учет деяния как преступления у органов, осуществляющих преследование, отсутствует право определять

целесообразность продолжения процессуальной деятельности исходя из анализа перспективы требуемых затрат и возможностей доказывания.

Вместе с тем право высвобождать ресурсы правоохранительных органов для активизации деятельности по наиболее серьезным преступлениям имеется в тех странах, которые допускают принцип целесообразности. Например, Н. А. Колоколов рассказывает о практике реагирования на преступления небольшой тяжести марокканской полиции, которая по причине нецелесообразности продолжения процессуальной деятельности может ограничиться постановкой преступления на учет и принятием мер по устранению условий, способствующих совершению преступлений. Он обращает внимание и на требования отечественного законодательства, на практику осуществления в аналогичных ситуациях у нас в стране неэффективной масштабной процессуальной, связанной с ней организационной, экспертной и другой деятельности [10, с. 102–105].

Разделяя позицию автора, считаем, что в уголовный процесс России по небольшой группе преступлений может быть внедрена форма, исключая проведение неэффективного предварительного расследования. При этом правоохранительным органам не потребуется использовать нынешний способ прекращения процессуальной деятельности за нецелесообразностью – вынесения незаконных решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Конечно, для того чтобы преградить путь стихийному отсеву «заявок на обслуживание», в законе необходимо установить жесткие критерии (значительность ущерба, вина потерпевшего, сочетание их). Кроме того, сведения, имеющиеся в нижепороговых заявлениях, в любом случае должны закладываться в информационные банки [19, с. 69]. Именно регистрация события как преступления, мотивированное решение органа о нецелесообразности уголовного преследования при надлежащем контроле и (или) надзоре, возможность обжалования данных решений заинтересованными лицами (в совокупности) могут стать альтернативой неэффективной процессуальной деятельности и в конечном итоге легальным способом уменьшения нагрузки на правоохранительные органы.

47,8 % опрошенных судей, 51,7 % сотрудников ОПП, а также 52,9 % работников вузов считают оптимальным вариант, при котором уголовное преследование по отдельным преступлениям не-

большой и средней тяжести, причиной которых послужило неосторожное поведение самого потерпевшего и при ущербе, не являющемся значительным, после их обязательной регистрации как преступлений осуществлялось бы исходя из принципа целесообразности (учитывая возможности раскрытия преступления).

Способом снижения процессуальной нагрузки, а следовательно, и предпосылкой оптимизации уголовного судопроизводства может стать разумное *расширение дел категории частного-публичного (общественно-публичного) обвинения*.

Данные предложения неоднократно высказывались в юридической литературе [8, с. 13; 9, с. 21–23; 19, с. 71; 20, с. 33]. В частности, предлагалось перевести в данную категорию дела о преступлениях с неосторожной формой вины, а также производства, по которым привлекаемый к уголовной ответственности и потерпевший являются членами одной семьи, близкими родственниками [3, с. 32].

В правоприменительной практике распространены случаи принятия решений об отказе в возбуждении уголовного дела в ситуациях, когда в рамках предварительной проверки выясняется, например, что хищение совершено родственником заявителя. Нередко данным актам предшествуют «правильные» объяснения пострадавших, написанные по просьбе должностных лиц, понимающих «зыбкость судебной перспективы» таких дел: в рамках проверки «выясняется», что ущерб от хищения является мало-значительным, пропавшее имущество обнаружено и т. п. Необходимость получения заявления

(согласия) пострадавших на осуществление уголовного преследования по отдельным составам небольшой и средней тяжести уменьшит объем «лживых» объяснений на этапе предварительной проверки. Такой порядок позволит в большей степени учитывать интересы личности при решении вопроса о целесообразности оказания уголовно-правового воздействия на граждан, совершивших деяния, не являющиеся значительными, и будет способствовать разгрузке органов предварительного расследования и суда.

При проведении опроса установлено, что 26,1 % судей, 55,2 % сотрудников ОПР и 55,8 % работников вузов считают целесообразным расширение категории дел частного-публичного обвинения посредством дополнительного отнесения к ним иных составов преступлений небольшой и средней тяжести.

Итак, в современном отечественном уголовном процессе сложилась ситуация, при которой органы предварительного расследования и суды в большинстве случаев не могут обеспечить привлечение к ответственности лиц, нарушающих уголовно-правовые запреты. В этой связи декриминализация отдельных преступлений может явиться действенным инструментом уголовно-правовой политики государства в направлении снижения процессуальной нагрузки. Вместе с тем существуют и иные потенциальные способы, альтернативные декриминализации. Задача процессуальной науки – определить наиболее оптимальные из них, выяснить разумные условия и пределы их применения, разработать понятные механизмы реализации.

Библиографический список

1. Александров, А. С. Субсидиарный уголовный иск / А. С. Александров // Гос-во и право. – 2000. – № 3. – С. 45–83.
2. Бавсун, М. В. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе / М. В. Бавсун, И. Г. Бавсун, И. А. Тихон // Адм. право и процесс. – 2008. – № 6. – С. 6–9.
3. Багаутдинов Ф. Расширение частных начал в уголовном процессе / Ф. Багаутдинов // Рос. юстиция. – 2002. – № 2. – С. 32–34.
4. Безотказное следствие / Л. Головки [и др.] // Закон. – 2012. – № 11. – С. 29–41.
5. Глава ВС РФ предлагает декриминализировать малозначимые преступления [Электронный ресурс] // РАПСИ. – Режим доступа: http://rapsinews.ru/legislation_news/20121218/265823883.html (дата обращения: 11.11.2015).
6. Головки, Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве : моногр. / Л. В. Головки. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. – 544 с.
7. Гордиенко, В. В. Законодательное установление уголовного проступка и исключение института отказных материалов / В. В. Гордиенко // Рос. следователь. – 2010. – № 15. – С. 11–13.
8. Дорошков, В. В. Необходимо расширить перечень дел частного и частного-публичного обвинения / В. В. Дорошков // Уголов. процесс. – 2012. – № 12. – С. 12–17.
9. Канифатов А. А. Защита уголовного процесса от ненормативного поведения его участников : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. А. Канифатов. – Н. Новгород, 2004. – 24 с.
10. Колоколов, Н. А. Стадия возбуждения уголовного дела: сохранить, трансформировать, упразднить? / Н. А. Колоколов // Б-ка криминалиста. – 2014. – № 1. – С. 87–109.
11. Коробеев, А. И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации / А. И. Коробеев // Закон. – 2015. – № 8. – С. 46–59.

12. Куприянов, А. А. Правильные поправки в УК РФ / А. А. Куприянов // Уголовный процесс. – 2015. – № 10. – С. 8.
13. Курляндский, В. И. Неотвратимость наказания и борьба с преступностью / В. И. Курляндский // Совет. гос-во и право. – 1972. – № 9. – С. 81–87.
14. Марцев, А. И. Общее предупреждение преступлений (Проблемы и перспективы) : моногр. / А. И. Марцев [и др.] ; отв. ред. А. И. Марцев. – Омск : Изд-во Ом. ВШМ МВД РФ, 1993. – 206 с.
15. Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 31 июля 2015 г. № 37 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» – Режим доступа: локальный.
16. Розовский, Б. Г. Когда проблему ищут не там, где она действительно есть (заметки всем недовольного человека) / Б. Г. Розовский // Б-ка криминалиста. – 2014. – № 1. – С. 152–167.
17. Россия: общие идеи и общие ценности. Владимир Путин огласил Послание Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Рос. газ. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/12/03/prezident-site.html> (дата обращения: 04.12.2015).
18. Толкаченко, А. А. Уголовная политика: что сделано и предстоит сделать / А. А. Толкаченко // Уголов. процесс. – 2014. – № 12. – С. 30–39.
19. Томин, В. Т. Острые углы уголовного судопроизводства / В. Т. Томин. – М. : Юрид. лит., 1991. – 240 с.
20. Францифоров, Ю. В. Противоречия при соотношении частных и публичных начал в уголовном судопроизводстве / Ю. В. Францифоров, Л. Л. Грищенко // Следователь. – 2004. – № 6. – С. 31–33.

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СРОКА ПРОИЗВОДСТВА ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ To The Question About Legal Uncertainty of Pre-Investigation Verification

ЗАБУГА Евгений Евгеньевич – старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Омской юридической академии, кандидат юридических наук (Омск)

Zabuga Evgeny E. – Senior Lecturer of Criminal Proceedings and Criminalistics Department, Omsk Law Academy, Candidate of Legal Sciences (Omsk)

lawyer_zabuga@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы срока производства следственной проверки, приводящие к нарушению прав и законных интересов как потенциальных подозреваемых, так и потерпевших. На основе проведенного исследования автором предлагается закрепить в законе право лица на заявление ходатайства о проведении конкретных проверочных мероприятий, а также усилить ведомственный контроль за принимаемыми по результатам производства проверки решениями.

The article deals with the problems of conducting pre-investigation period leading to the violation of the rights and legitimate interests potential suspects and victims. On the basis of the conducted research the author offers to enshrine in law the right of a person to a statement of petition for execution of specific testing activities, as well as the need to strengthen departmental control over solutions, accepted by results of production test.

Ключевые слова: уголовный процесс, следственная проверка, процессуальные сроки.
Criminal proceedings, pre-investigation verification, procedural deadlines.

DOI: 10.19073/2306-1340-2016-1-67-70

Вопросы производства проверки в порядке ст.ст. 144, 145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на всем протяжении действия уголовно-процессуального закона